

DOI: 10.19195/0137-1150.167.4

ALEKSANDR SHAIKIN

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Rosja

„Паче радуся отхожую свѣта сего!“: смерть святого и смерть злодея в древнерусских текстах XI–XII веков

В 6523/1015 году в Киеве разыгрались события, оставившие глубокий след в истории. После смерти князя Владимира Святославича, крестителя Руси, его дети оказались в конфликтной ситуации борьбы за главный княжеский стол. Святополк, истребив трех братьев, казался, утвердился на этом столе, но затем, изгнанный Ярославом, скончался за пределами родной земли, а убиенные Святополком Борис и Глеб стали почитаться в качестве святых и были признаны таковыми христианской церковью¹.

Для того, чтобы анализ смертных ситуаций стал внятнм, надо очертить круг реалий, связанных с персонажами, вовлеченными в события. При этом нас интересует не столько „реальность” этих реалий — она относительна, ибо базируется на нарративных источниках² — сколько точка зрения, аксиология современников, осмысливающих и оценивающих события и их участников.

Сыновей Владимир распределил по княжениям-землям: Святополка — в Турово-Пинское княжество, Бориса — в Ростов, а Глеба — в далекий Муром. Такова расстановка интересующих нас персонажей по летописи [ПВЛ, с. 83] и *Сказанию о Борисе и Глебе* [Сказ., с. 328]. По другому авторитетному тексту, *Чтению о житии и о погублении блаженую стратотерпцю Бори-*

¹ В конце статьи мы выйдем за пределы „борисоглебской ситуации” и обратимся к кончине праведника, не убиенного, а изжившего свои сроки.

² Основываемся на следующих источниках: *Повесть временных лет. Часть 1*, ред. В. П. Адрианова-Перетц, Москва-Ленинград 1950; *Сказание о Борисе и Глебе*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 1, Санкт-Петербург 1997, с. 328–351; *Чтение о житии и о погублении блаженую стратотерпцю Бориса и Глеба*, [в:] *Святые князья-мученики Борис и Глеб*, подг. текстов Н. И. Милютенко, Санкт-Петербург 2006, с. 356–398. Страницы этих изданий с обозначениями ПВЛ, Сказ., Чт. приводим далее в тексте статьи в скобках.

са и Гльба Нестора, расстановка была иной: Борис, посаженный во Владимиро-Волынское княжество, оказался соседом Святополка, а Глеб в силу юности находился при отце в Киеве [Чт., с. 364].

Все источники дают некие предварительные сведения о персонажах. Борис и Глеб были единоутробными братьями, их матерью была „болгарыня”; оговаривается особая любовь Владимира к этим сыновьям. Происхождение Святополка излагается с подробностями, ибо оно определило его зловещую роль в дальнейших событиях. По текстам XI–XII веков, он — сын двух отцов. Его мать была женой Ярополка, старшего брата Владимира. Владимир, убив брата, положил вдову к себе на ложе, а она была уже „непрадна”. Родившегося ребенка Владимир признал своим сыном, но его биологическим отцом был Ярополк. В сознании современников ситуация осложнялась еще и прошлым матери Святополка. Красавица гречанка, она была монахиней в одном из греческих монастырей; Святослав, отец Ярополка и Владимира, вывел ее из монастыря, „красоты ее ради”, расстриг и выдал за своего сына. Летопись так оценивала ситуацию: „От грѣховнаго бо корени золь плодь бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо” [ПВЛ, с. 56]. Тем не менее Святополк имел законные права сына Владимира, был женат на дочери польского короля Болеслава Храброго и владел важным Турово-Пинским княжеством, пограничным с Польшей. Святополк по праву мог считать себя „наследным принцем”, ибо накануне смерти Владимира он оставался старшим среди сыновей киевского князя, преимущественное положение ему обеспечивало и биологическое отцовство Ярополка, старшего брата Владимира. Однако в силу того, что он был не родным сыном, „не любляше его Володимеръ” [Сказ., с. 328]. По косвенным сведениям древнерусских источников, Владимир намеревался в обход Святополка передать свой „стол” Борису. Святополк знал или догадывался об этом и потому „нача мыслити на правѣднаго”, когда тот был еще Владимиро-Волынским князем. Владимир, опасаясь за Бориса, согласно *Чтению* Нестора, отозвал сына в Киев.

Западный хронист Титмар Мерзебургский рассказывает, что в это время Владимиру стало известно об организации Святополком заговора против него, и киевский князь арестовал сына, а вместе с ним его жену, дочь польского короля, и священника Рейнберна³. По летописям нам известно, что одновременно другой сын Владимира, новгородский князь Ярослав, отказался выплачивать Киеву урочное обложение. Владимир собрался покарать непослушного сына, но у границ киевских земель появились печенеги. Эти неблагоприятные события подорвали здоровье стареющего князя, про-

³ „Названный король (Владимир. — А. Ш.), услышав, что его сын, подстрекаемый Болеславом, тайно готовился восстать против него, схватил его вместе с женой и названным отцом (Рейнберном. — А. Ш.) и заключил их, отдельно друг от друга, под стражу” — Т. Мерзебургский, *Хроника. В 8 кн.*, пер. В. И. Дьяконова, Москва 2005, с. 163. Русские источники об этом умалчивают.

тив печенегов он отправил с войском сына Бориса, а сам 15 июля 6523/1015 года скончался.

Смерть князя поставила его детей в новую ситуацию: теперь их настоящее и будущее зависело уже не от авторитетной воли отца, а от собственной инициативы и тех законов, которые они согласятся выполнять. Каждый из детей Владимира ведет себя по-своему, по-особому.

Первым источники упоминают Святополка. *Повесть временных лет* сообщает о нем в связи со смертью Владимира в авторской речи летописца: „Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и (здесь: потаили смерть Владимира. — А. Ш.), бѣ бо Святополкъ Кыевѣ” [ПВЛ, с. 89]. В *Сказании* это осуществляется косвенным образом: автор „находится” рядом с Борисом и знает, что к Борису прибыл „вестник” с рассказом о смерти Владимира и о том, что „Святополк потаи съмърть отьца своего...” [Сказ., с. 330]⁴. Значит Святополк сумел освободиться из заключения? Ни *Сказание*, ни летопись ничего не говорят об этом, но, может быть, самая необходимость пояснения „бе бо Святополк в Кыеве” косвенно свидетельствует о его прежней несвободе. В *Чтении* остался след этого же обстоятельства в несколько ином и, возможно, дополняющем летопись виде: Святополк, „радуяся отнѣ смерти, всѣде на коня и скоро доиде Кыева града” [Чт., с. 366]. Смерть отца, видимо, освобождала из-под ареста старшего, имеющего более других прав на киевский стол, сына. Не исключено, что у Святополка были сторонники: вряд ли бы он мог решиться на выступление против Владимира, не имея поддержки; во всяком случае, его криминальные поручения вскоре будут охотно выполняться боярством, киевским и особенно вышгородским (возможно, он и содержался в Вышгороде).

В изложении авторов всех борисоглебских текстов Святополк с этого момента (а в *Чтении* Нестора еще раньше) становится „окаянным”. Имя Каина, анаграмматически встроенное в эпитет (окаянный), вскоре реализуется открыто: „Видите ли втораго немилосердие Каина явльшася?” [Чт., с. 368]. Святополк, как и Каин, инспирируемый сатаной, замышляет физическое устранение братьев с тем, чтобы установить единоличное владение Русской землей. Основного претендента он видел в Борисе, который в этот момент находился с войском вне Киева, так как был послан Владимиром отразить вторжение печенегов.

Святополк, как выше упоминалось, еще при жизни отца „нача мыслити на правѣднаго”, но „не пусти ему тогда Богъ”, хотя — и это не смущает Нестора — смертный для Бориса исход Всевышним предполагался: „нѣ егда Самъ восхотѣ” [Чт., с. 364]. В 6523/1015 году такой момент, видимо, настал. О смерти Владимира и вокняжении Святополка Борис узнает, находясь

⁴ Можно обратить внимание на то, что в одном случае смерть Владимира „утаивает” Святополк (*Сказание*), а другом — от Святополка (летопись). Логика есть в том и в другом случае: Святополк утаивает, чтобы беспрепятственно занять княжеский стол в Киеве; от Святополка — чтобы он не занял стола.

в походе. Скорбь по отцу и тяжелые предчувствия своей участи сразу охватывают его: „Сърдце ми горить, душа ми съмысль съмушаеть...” [Сказ., с. 330]. Борис думает о старшем брате, которого готов иметь „въ отьца мѣсто”, но уже догадывается, что Святополк, прельщаясь суетой мирской, „о биении моемъ помышляеть” [Сказ., с. 330]. К такой судьбе Борис готов: „мученикъ буду Господу моему” [Сказ., с. 330]. Но он вовсе не стремится к смерти, он хочет с миром идти в Киев к Святополку и сказать ему: „Ты ми буди отьць — ты ми братъ и старѣи. Чьто ми велиши, господи мой?” [Сказ., с. 330]. Удерживает Бориса от такого решения опасение, что если войдет он в „домъ отьца своего”, то многие люди начнут побуждать его „прогнати брата”, указывая на пример отца, который в прошлом, еще до святого крещения, прогнал, а затем убил своего брата, тоже старшего (Ярополка). Для Бориса такое решение уже неприемлемо: отцом это делалось „славы ради и княжения мира сего”, а в новом сознании Бориса „сей мир” „мимоходить и хуже паучины” [Сказ., с. 330].

У христианина-Бориса иные заботы: где он окажется „по ошьствии... отсюду”, скроет ли он „множество грѣха” своего? Он вспоминает об отце своем и братьях его — что приобрели они? Где теперь их жизни и „слава мира сего”? Все то, к чему они стремились — „багряница и брячины, серебро и золото, вина и медове, брашна чьстная, и быстрии кони, и долове красьнии и велиции, и имѣния многа, и дани, и чьсти бещисльны, и гърдѣния, яже о болярѣхъ своихъ” — исчезло, „акы не было николиже”, и нет помощи „ни отъ имѣния, ни отъ множества рабъ, ни отъ славы мира сего”. Вспоминается сентенция из Екклесиаста (приписываемая, впрочем, здесь Соломону) „Суета и суетие, суетию буди” (Ек 1, 2).

Нельзя сказать, что Борис отрешен от этого мира. Колеблясь, идти или не идти к Святополку, он „помышляше о красотѣ и о добротѣ телесе своего” и, сожалея о себе, „слъзами разливаашеся вьсь”. Не чуждый психологизма автор замечает, что Борис „хотя удръжатися и не можааше”. Переживания героя не могут оставаться незамеченными, появляется безымянная „резонирующая среда”: „вси, зьяяще его тако, плакаашеся о добродоудьнѣмъ тѣлѣ... его”, „къждо въ души своей стонааше горестию сьрдьчною”. От себя автор риторически восклицает: „Къто бо не въсплachtetъ сьмръти тоѣ пагубноѣ, приводя предъ очи сьрдьца своего?” [Сказ., с. 332]. Смерть еще впереди, но „очи сердца” уже прозрели ее, она уже наличествует, и все окружающее вошло уже в резонанс с нею.

Отказ бороться за свою жизнь не сводим к покорности или бессилию, для Бориса это путь, в каком-то высшем смысле даже желанный: „аще (Святополк. — А. Ш.) пролѣтьть крвь мою, то мученикъ буду Господу моему, а духъ мой приметъ Владыка”. Устремленность к Господу позволяет ему забыть „скърбь сьмъртнуну”, Борис вспоминает слова Христа о том, что тот, кто „погубит” душу свою „мене ради”, тот в действительности сохра-

нит ее для жизни вечной (Мф 10, 39). Устремленность к Богу меняет состояние Бориса, и вот он уже с „радъстьнѣмь сѣрдьцьмь“.

Борис принял решение не идти в Киев и велел поставить шатер на берегу Альты. Дружина призывала Бориса изгнать Святополка⁵, но Борис решительно отказался: „Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старѣйша мене, егоже быхъ имѣль, акы отца“. Войско покинуло Бориса, и он остался только со своими отроками.

Автор приступает к рассказу о последнем дне князя. Становятся значимы временные ориентиры: день был субботний. Мрачное настроение вернулось к Борису: „Въ тузѣ и печали, удручнѣмь сѣрдьцьмь и вълѣзъ въ шатѣрь свой, плакашеса съкрушенѣмь сѣрдьцьмь...“ [Сказ., с. 334]. Но здесь же поразительная христианская диалектика: Борис плачет с „съкрушенѣмь сѣрдьцьмь“, а с „душею радостною“ [Сказ., с. 334]. Он вспоминает о мучениках, жития которых, по свидетельству Нестора, читал вслух с юным Глебом. Подбор святых соответствует ситуации: Никита, Вячеслав, Варвара — все они погибли от рук своих родственников.

Настал вечер. Повелев священнику „пѣти вечернюю“, Борис предался молитве „съ слъзами горькими“. После молитвы попробовал уснуть, но „мнозѣ мысли и... печали крѣпѣцѣ и тяжѣцѣ“ гнали сон: Борис старался понять, как „пострадати и течение (жизнь. — А. Ш.) съкончати и вѣру съблюсти“. Между тем пришло время воскресения — „святая недѣля“ [Сказ., с. 334]. Князь попросил священника начинать заутреню, а сам, умывшись, продолжил молитвы.

Время еще было ночное. К шатру подошли убийцы, посланные Святополком. И замерли: молитвенное пение Бориса остановило их. Агиограф не смущает пауза: Борис поет псалмы, а убийцы терпеливо ждут у шатра⁶. Псалмы как бы прямо изображают ситуацию на Альте: „Обидоша мя пси мнози и унѣци тучни одѣржаша мя“ (Пс 21, 17). Борис обращается к Христу, своею волею допустившего пригвоздить себя к кресту, чтобы и его сподобил „приятъ“ такую же страсть [Сказ., с. 334].

И все же когда „шпѣтъ зълъ окръсть шатѣра“ стал слишком явственен, Борис „трѣпѣтънѣ бывѣ и начатъ слъзы испущати отъ очию своею“ [Сказ., с. 336]. Автор Сказания вольно или невольно передает колебания, смены состояний своего героя. Цитируя Священное Писание, Борис снова смог укрепиться и прогнать страх, „боязнѣ“: „Боязни влюбѣви нѣсть — съвършенная бо любви внѣ отѣмещетъ боязнѣ“ (1 Иоан 4, 18). Но автор этого текста спо-

⁵ В *Чтении* Нестора дружина говорит Борису: „Мы, о владыко, предани есмы благымъ отцемъ твоимъ в руцѣ твои... яко же преда насъ тебе благы отецъ твои“; 8 тысяч воинов готовы идти на Киев „съ тобою“, говорят они Борису, „или едины“, т. е. даже без князя, и войско намерено изгнать Святополка — „того нужею ижденемъ из града, а тебе же введемъ“ [Чт., с. 370].

⁶ Нестор так комментирует эту ситуацию: „Нечестивии же, яко шедше, не дерзнуша напасти на праведнаго, не попусти имъ Богъ, дондеже конча заутреню“ [Чт., с. 372].

собен к стереозрению, он передает не только самоощущения персонажа, но и одновременно взгляд со стороны. В высшем смысле Борис преодолел страх смерти, но священнику и отроку, находящимся в шатре с князем, открывается иное: „видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суца зѣло”; вид князя так удручил их так, что они расплакались. Сущностное и видимое могут не совпадать. Устами этих свидетелей высказываются и оценки происходящего, совпадающие с авторской точкой зрения: имея под рукой воинство, Борис „не въсхотѣ противитися брату своему любви ради Христовы” [Сказ., с. 336].

В *Чтении* Нестора Борис сам руководит посланцами Святополка: по завершении службы Борис возлег на одре своем и обратился к стоящим у шатра: „Влѣзьше, братии, скончайте волю пославшаго вы” [Чт., с. 372]. Видимо, только святой мог обратиться к убийцам — „братии”. В Сказании они сами врываются в шатер, Борис видит „блистание оружия и мечное оцѣщение”, и тут же „без милости прободено бысть чѣстное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова страсотърпыца”. Автор Сказания поименно называет участников убийства [Сказ., с. 336]. Все три источника упоминают и том, что отрок Бориса, венгр (угрин) Георгий, пытался прикрыть собой князя и также был пронзен копьями.

Чтение и Сказание дают дальше поразительную сцену. Оказывается, Борис не был убит до конца и „искочи и-шатѣра въ оторопѣ” [Сказ., с. 336]. „Въ оторопѣ” — в каком-то особом состоянии, когда человек уже не замечает нанесенных ему ран. Оторопели, видимо, и убийцы, но, спохватившись, старший scomандовал: „Чѣто стоите зряще!... сконьчаимъ повелѣное намъ!” [Сказ., с. 336]. Борис, однако, сумел их остановить, казалось бы, невозможным по отношению к убийцам, обращением: „Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдайте, да понѣ помолюся Богу моему” [Сказ., с. 336]. Убийцы для святого — братья милые и любимые.

В молитве Борис благодарит Бога за то, что „съподобилъ мя еси убѣжати отъ прельсти жития сего льстѣнааго”, сподобил „труду” святых мучеников (труд здесь — добровольная мученическая смерть) и что в этой смерти свершилось „хотѣние сѣрдьца моего” [Сказ., с. 336]. И в то же время Борис не может уйти от болезненной противоречивости ситуации. Он просит Господа увидеть „болѣзнь сѣрдьца” его, ибо смерть „прияхъ от сѣродника”, и лишь только то, что „Тебе ради умърщвямъ есмь въ сѣ днь”, заставляет его с радостью принимать происходящее. Противоречие до конца не преодолевается: Борис просит Господа быть судьей между ним и братом, но в то же время: „не постави имъ, Господи, грѣха сего”. Молитва о прощении своего убийцы доступна, видимо, только святому. После молитвы Борис обращается к застывшим в оцепенении посланцам Святополка: „Братие, приступивъше, сконьчайте службу вашу. И буди миръ братумою и вамъ, братие” [Сказ., с. 338].

И опять подключается анонимная „резонирующая среда“, некий хор, как в греческой трагедии, те, кто „слышаху словеса его“, восплакали и „въздыханиемъ горькымъ жалостно глаголааху“ и „къждо въ души своей стонааше“ [Сказ., с. 338]. В плаче воспеваётся Борис — водитель слепых, одежда нагих, опора старых. Но главный смысл его подвига в том, что он „не въсхотѣ славы мира сего“, не захотел „величия, еже въ житии семь“ [Сказ., с. 338].

В передаче реалий этой смерти есть некая чрезмерность: Бориса пронзили копьями в шатре, затем добили вне шатра, автор торжественно сообщил об успении: „абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива, мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландь агуста“ [Сказ., с. 338]. Но когда его, завернутого в шатер, повезли на телеге, дважды убитый начал „въскланяти святую главу свою“. Об этом чудесным образом узнал Святополк и отправил двух варягов, которые пронзили Бориса „мечьмъ въ сьрдьце“ [Сказ., с. 338]. Это третье, окончательное убиение. Бориса привезли в Вышгород и захоронили при церкви святого Василия (Василий — крестное имя Владимира, отца Бориса).

Существуют две версии убиения Глеба. По версии летописи и *Сказания*, Глеб по вызову Святополка спешит в Киев из Мурома для прощания с отцом (вызов обманной, ибо Владимир уже похоронен); по версии *Чтения* Нестора, Глеб из Киева по Днепру бежит от Святополка в ладье. В том и другом случае посланцы Святополка настигают Глеба вблизи Смоленска, и убийство происходит в ладье Глеба. Наиболее полно и выразительно эта сцена представлена в *Сказании*.

В первой версии есть предупредительные моменты, которые могли бы спасти Глеба. Во-первых, конь Глеба споткнулся, и князь повредил ногу⁷. Спотыкание коня — акт символический, сулящий несчастье, но Глеб не замечает предвестия. Возле Смоленска к Глебу явился вестник от Ярослава с предупреждением: „Не ходи, брате! Отьць ти умьрль, а брать ти убиень отъ Святопѣлка“. Но вместо попыток спасения Глеб предается плачу по отцу и особенно по брату. Он говорит, что уж лучше бы ему вместе с братом смерть принять, чем остаться одному („уединену“), осиротевшему („усирену отъ тебе“) „въ семь житии пожити“. Надо отметить, что здесь перед читателем уже не просто информация, но такое строение, когда язык предъявляет себя в качестве эстетического (тем самым и семантического) средства. Тут и очевидная эвфония: *умрети, уединену, усирену*, тут и некая намеренная тавтология: *въ житии пожити*; о себе герой говорит: *умиленьй, очюженный*. Глеб просит умершего брата, „моли о моемъ унынни“, чтобы и он смог „ту же страсть въсприяти“ [Сказ., с. 340]. Глеб предпочитает устремиться к брату, „неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмъ“

⁷ Текст, впрочем, не вполне ясен: может быть, конь „наломи ногу малы“; в летописи яснее, есть местоимение „ему“, относящееся к князю: „наломи ему ногу мало“ [ПВЛ, с. 92].

оставаться [Сказ., с. 340]. Слово „прелестный” в древнерусском имеет негативные коннотации: соблазняющий, обольщающий, вводящий в заблуждение, обманывающий⁸.

Пока Глеб предавался плачу, появились посланцы Святополка, „зълыха его слугы, немилостивии крѣвопийцѣ”. Они не бездушные, но души имеют особые: „сверѣпа звѣри душу имущю” [Сказ., с. 340]. Автор стремится передать противоречивые, по крайней мере на сегодняшний взгляд, состояния героя. Вот он видит корабль с людьми Святополка и „въздрадовася душею” — но ведь он уже получил предупреждение от Ярослава. Люди Святополка, как и положено злодеям, „омрачаахуся и гребяхуся к нему”, а Глеб, не чувствуя беды, „цѣлования чаяяше отъ нихъ прияти”. Где действует агиографический канон, прагматическая логика терпит фиаско.

Когда суда поравнялись, „начаша скакати зълхи... въ лодию его”, в руках у них обнаженные мечи, которые „блещася, акы вода”⁹. Только теперь Глеб понял, „яко хотять его убити”.

В этот момент прежняя декларативная готовность покинуть этот мир исчезает, князя охватывает ужас, сердце его сокрушено, весь он „сльзами разливаяся”. Глеб надеется разжалобить убийц и смотрит на них „умиленама очима”. В обращении к ним, князь называет их не только, как и Борис, „братия моя милая и драгая”, но и „господье мои”; он готов унизиться: „Вы ми будетѣ господие мои, азъ вамъ рабъ”. Глеб взывает к ним: „не дѣйте мене..., не дѣйте мене”¹⁰, просит пощадить: „не брезѣте!”, предъявляет им свою юность: „Помилуйте уности моеѣ”. В презентации своей юности Глеб (разумеется, усилиями автора) риторически изощрен: „не пожнѣте класа, не уже съзрѣвъша, нѣ млеко безълобия носяща!”; он не только колос, не созревший, но и лоза, не развившаяся: „Не порѣжете лозы¹¹ не до коньца въздрасъша...”. Еще и еще предъявляя свою младенческую невинность, Глеб восклицает: „Се нѣсть убийство, нѣ сырорѣзание!”. Он пытался привести и рациональные аргументы: „Кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братие и господье мои?”. Он готов ответить: если есть какая обида, то ведите меня к брату моему. Но все тщетно [Сказ., с. 340–342].

Когда Глеб убеждается, что его словам „не вънемлють”, происходит некоторое укрепление духа. Глеб молится за всех близких ему людей — отца,

⁸ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. VIII, Москва 2008, с. 199.

⁹ О возможной связи этого необычного сравнения с выражением из 1 Цар. 17: 7 в ранних „околомефодьевских” переводах см.: А. М. Ранчин, *Об одном странном сравнении в Сказании о Борисе и Глебе*, [в:] *Древнерусская книжность: Текстология и поэтика*, Орел 2013, с. 105–109.

¹⁰ „Не дѣйте” содержит большую семантику отрицания насилия, чем современное „не трогайте”. См.: И. И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка. Репринтное издание*, т. I, ч. 1, Москва 1989, с. 800–801.

¹¹ Может быть, это отсылка к Евангелию: „Аз есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь” — Ин 15:1.

мать, братьев, Бориса и Ярослава; убийцу своего тоже не оставляет без молитвенного слова: „спасися и ты, брате и враже Святопѣлче“ [Сказ., с. 342]. Однако горечь не оставляет Глеба, он ощущает покинутость всеми: „Отца моего Василия призвахъ и не послуша мене, то ни ты не хочещи мене послушати?“, — пеняет он, обращаясь к Борису. Ему кажется, что „никтоже не вънемлетъ ми“ [Сказ., с. 342].

Теперь уже только к Господу устремлена мысль и чувство Глеба. Вспоминающая как Господь предрекал апостолам, что их умертвят ради имени Его, он и свою судьбу уподобляет апостольской: „се бо готова есть душа моя предъ тобою, Господи!“ [Сказ., с. 342]. Как и Борис, он сам отдает распоряжение убийцам выполнять порученное: „приступльше сътворите“, но автор отмечает, что эти слова Глеб произносит „измълкъшьмь грътаньмь“ (прерывающимся голосом).

Если Бориса пронзали копьями и добивали мечом, то Глеба „зарезали“. Старший из захватчиков по имени Горясер приказал Торчину, повару Глеба, зарезать князя „въбързѣ“ (быстро), и тот „закла“ блаженного, „яко агня непорочно и безлобиво“¹² [Сказ., с. 342]. Чтение Нестора передает некоторые „технологические“ моменты „зарезывания“: „прежеречены поварѣ, ставъ на колѣну, закла и главу святому и прерѣза гортань его“ [Чт., с. 376]. Источники датируют событие: „мѣсяца сентября въ 5 днь, въ понедельник“ (год был назван раньше: 6523/1015).

Автор не сомневается, что Глеб „възиде въ небесныя обители къ Господу“, там произошла желанная встреча с братом, и они оба удостоились „въннца небесныя“ и возрадовались „радостию великою неиздреченною“ [Сказ., с. 342]. Нередко святость человека определяется при рождении, а иногда и до рождения¹³, в случае же с Борисом и Глебом святость выявляется на пороге смерти и является их собственным обретением.

Тело Глеба бросили на берегу между двумя колодами, но Господь сохранил святого. Купцы, охотники, пастухи видели в этом месте горящие свечи, даже столп огненный, ангельское пение слышалось. Но никто не искал тело святого. Лишь Ярослав после изгнания Святополка, услышав о знамениях в пустынном месте, послал священника, узнать, не брат ли его там лежит. Так было обретено тело Глеба, торжественно перевезено в Вышгород и захоронено рядом с Борисом. Автор удивляется, что тело Глеба столько лет (должно было пройти не менее пяти лет) оставалось нетронутым ни от каких „плотоядцев“ и даже не почернело, но оставалось „свѣтло и красьно и цѣло“ [Сказ., с. 346].

Святые братья недолго пролежали в земле, ибо „не можеть градъ укрытися врѣху горы стоя“ (Мф 5, 14). По *Чтению* Нестора, на том месте, где

¹² Агнец непорочный и беззлобивый также, конечно, отсылает к образу Христа.

¹³ О мотиве божественных знамений до рождения или во младенчестве, указывающих на святость человека, см.: Т. Р. Руди, *О композиции и топике житий преподобных*, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН России (Пушкинский Дом)*, т. 57, Санкт-Петербург 2003, с. 436–439.

покоились тела святых, начали происходить огненные явления, а вскоре и „Божиимъ попущениемъ” сгорела ветхая церковь св. Василия, так что Ярослав, призвав архиепископа Иоанна, велел извлечь тела братьев из земли и выстроить новую церковь, уже в честь Бориса и Глеба. Извлеченные тела братьев, „акы снѣгъ бѣлѣющася, лице же ею свѣтася акы ангеломъ”. И наполнилось „благоухания не токмо мѣсто то, нъ ... и весь градъ” [Чт., с. 382].

Так завершились земные жизни святых братьев и началось их вневременное служение Русской земле и всему христианскому миру. В жизни загробной Борис и Глеб начинают совершать чудеса. Сначала святые совершают, так сказать, бытовые чудеса, в том числе и лечебные, но постепенно они становятся защитниками Русской земли и помогают в сражениях с врагами Александру Невскому, Дмитрию Ивановичу (Донскому) и князьям последующих веков.

В письменном самосознании своего времени Святополк — пожалуй, единственный безусловный грешник, хотя не он один убивал своих братьев. Его биологический отец, киевский князь Ярополк, повинен в гибели своего брата Олега Древлянского, задавленного во рву людьми и лошадьми в военном столкновении с киевским князем; сам Ярополк вскоре был поднят на мечях „подъ пазусѣ” двумя варягами по приказу своего меньшего брата Владимира. Расправлялись с братьями — возможными претендентами на киевский стол — и последующие князья, но только Святополк стал Окаянным, Каином. Как и Каин, Святополк сопряжен с сатаной: „злѣи врагъ” подсказал Каину способ убийства Авеля, то же самое сатана сделал и в Киеве — „врагъ влѣзе въ брата... старейшего” [Чт., с. 368]. Непременно упоминают о сатане в связи со Святополком и летопись, и *Сказание*.

Вероятно, мысль об истреблении братьев постепенно зрела в его сознании, но об устранении Бориса он, по свидетельству Нестора, начал думать еще при жизни Владимира. Успев первым по смерти отца оказаться в Киеве и занять княжеский стол, он сразу же отправил своего посланника к Борису, который в этот момент находился при войске, направленном для отражения печенегов. Святополк заверял Бориса в своей любви, обещал наделить его всем, что тот имел при отце и даже придать сверх того, но авторы всех трех источников уверены, что это было обманом: „Лѣстно, а не истину глаголя” [Сказ., с. 332; ср.: ПВЛ, с. 90, Чт., с. 368].

Между тем в Киеве Святополк чувствовал себя, видимо, не очень уверенно, ибо тотчас по занятию княжеского стола „сзѣва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье”, т. е. подкупать. Причем, по летописи, киевляне дары принимали, но „не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ” [ПВЛ, с. 90]. Исполнителей своего криминального замысла Святополк искал не в Киеве, а в пригородном Вышгороде: „избра мужа неистовыя, посла на блаженаго Бориса” [Чт., с. 368]. Не ясно, каким образом Святополку стало известно, что Борис, везомый в телеге в Вышгород, проявляет признаки

жизни, но отреагировал он немедленно: отправил двух варягов, которые „прободоста и мечьмь въ сѣрдьце“ [Сказ., с. 338]. Чтобы наверняка убить человека, надо поразить его в сердце.

Останавливаться на первом убийстве, по мысли Святополка, не имело смысла. *Сказание* помещает выдающийся в литературном отношении монолог Святополка, в котором он логически обосновывает необходимость дальнейших убийств. Подстрекателем преступных замыслов оказывается все тот же персонаж — „въниде въ сѣрдьце его сотона“. Но Святополк не пассивный исполнитель сверхъестественной воли, он рационально обосновывает необходимость дальнейших убийств. Передавая внутренний монолог Святополка, автор *Сказания* вкладывает в его уста цитаты из 68 псалма¹⁴. Святополк понимает, что после убийства Бориса братья будут преследовать его, что он стал „чюжь“ им. То же ощущал и герой псалма: „Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей“ [Пс. 68, 9]¹⁵. Если остановиться на содеянном, размышляет Святополк, то братья либо подстерегут и убьют меня, либо изгонят, и тогда „къняжение мое приметь инь“ и „въ дворѣхъ моихъ не будетъ живущаго“; то же самое и в псалме: „и в шатрах их да не будет живущих“ (Пс. 68, 26). Герой псалма страдает из-за угрозы отторжения его от „дома Господа“: „ревность по доме Твоем снедает меня“ (Пс. 68, 10); страдания Святополка приземлены, ему жаль „престола отца“ (земной аналог „дома Господа“ псалма), но престол для Святополка — символ владения „землей“: „жалость землѣ моя сьнѣсть мя“ [Сказ., с. 338]. Хуления Господа герой псалма принимает на себя: „злословия злословящих Тебя падают на меня“ (Пс. 68, 10); Святополка беспокоят хуления в свой адрес: „поношения поносящихъ нападутъ на мя“ [Сказ., с. 338]. А поэтому, заключает Святополк, „приложю къ безаконию убо беззаконие“ [Сказ., с. 338]; в псалме герой просит Господа об этом для нечестивых: „Приложи беззаконие к безаконию их, и да не войдут они в правду Твою“ (Пс. 68, 28). Наконец, хулящие Господа, по просьбе героя псалма, „изгладятся... из книги живых и с праведниками да не напишутся“ (Пс. 68, 29); Святополк сам записывает себя в неправедные: „съ правдѣнными не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущихъ“, да еще и грех матери присовокупляет к своим грехам: „и матере моя грѣхъ да не оцѣстится“¹⁶ [Сказ., с. 338]. Обращение к псалму сопряжено, видимо, с тем, что, совершив убийство брата, Святополк, по мысли автора *Сказания*, вверг себя в такое же турбулентное состояние, в каком совсем по иной причине оказался

¹⁴ Указание Л. Мюллера: Л. Мюллер, *Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 года)*, [в:] его же, *Понять Россию: историко-культурные исследования*, Москва 2000, с. 219.

¹⁵ В скобках указывается номер стиха из 68 псалма.

¹⁶ Выше мы упоминали, что мать Святополка, во-первых, расстриженная монахиня, во-вторых, Святополка она зачала как бы от двух отцов; хотя и то, и другое совершалось помимо ее воли, грех, видимо, сохранился и на ней.

герой псалма. Последний скорбит потому, что должен отдать то, чего не отнимал, тогда как Святополк, как раз наоборот, отнимает то, что, по интенции *Сказания*, должно принадлежать другому. Автор *Сказания* приспосабливает текст иной идеологической направленности к своей теме, цитаты из Псалтыри играют у него роль красок, которые, оказываясь, можно использовать для изображения идеологически противоположного.

На фоне монолога Святополка высветляется глубокая правота Бориса: мирское, осознанное святым как нечто „хуже паучины” (см. выше), толкает Святополка к новым преступлениям. Он уже сам „зълый съвъѣтъникъ дияволъ” посылает „по блаженааго Гльба рекъ: «Приди въбързѣ. Отыць зоветь тя и несъдравить ти вельми»” [Сказ., с. 338]. Так начинается история второго убийства в *Сказании* и летописи. Когда Святополк узнал, что и это его поручение выполнено, то „възнесея срьдцьмъ”, а автор *Сказания* предрекает его будущее: „раздрушить тя Богъ до коньца, ... и корень твой отъ земля живущихъ” (Пс 51, 3–7) [Сказ., с. 344].

По летописи, Святополк убивает еще и третьего брата, древлянского князя Святослава¹⁷, после чего окончательно формулирует свой замысел: „Избью всю братью свою, и прииму власть русьскую единъ” [ПВЛ, с. 94–95]. Но всех братьев Святополк перебить не успел. В Новгороде оставался Ярослав, обладавший достаточными силами, чтобы противостоять Святополку. В течение 1016–1019 годов братья с переменным успехом вели боевые действия друг против друга, пока, наконец, в 1019 году Святополк не потерпел окончательное поражение на Альте, месте гибели Бориса. Это последнее обстоятельство играло важную роль. Ярослав, встав на месте, где был убит Борис, и воздев руки к небу, возгласил: „Се кровь брата моего въпить къ тебе, Владыко, якоже и Авелева преже” [Сказ., с. 344]. И этой же молитвой Ярослав насылает на Святополка „стенание и трясение”, каковое в прошлом было наслано на братоубийцу Каина. Потерпев поражение, Святополк обратился в бегство, но это не было хладнокровное бегство, как, например, годом раньше бежал с поля боя Ярослав, разбитый польским королем Болеславом Храбрым. Святополка охватила мания преследования, трактуемая как одоление беса: „И нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его” [Сказ., с. 344]. Святополк уже не мог сесть на коне, отроки вынуждены были нести его на носилках. Князю постоянно казалось, что их настигает погоня: „Побѣгнѣте, осе женуть (гонят) по насъ!... въсхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!»” [Сказ., с. 344]. Отроки проверяли, погони не было, но Святополк „не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ” [Сказ., с. 344]. Гонимые Божьим гневом, они прибежали в землю „Лядьску” и оказались в загадочном месте — в „пустыне межю Чехы и Ляхы”. В этой пустыне Святополка настигла смерть:

¹⁷ Полагают, что эта смерть не привлекла внимания потому, что не была мученической: Святослав был убит при попытке бегства в Угры (Венгрию), но ведь по „Чтению” Нестора и Глеб пытается бегством спасти свою жизнь; так что не вполне ясно забвение смерти третьего брата.

„ту испровръже животь свой зълъ” [Сказ., с. 344]. Автор Сказания убежден, что на Святополка была послана „пагубная рана”, а на том свете он обречен на „муку вѣчную”. Так Святополк, избивая братьев, не только „княжения” „съде” (здесь) не получил, но и „тамо” (на том свете) вместо „царствия небеснааго” „муцѣ и огню предасться” [Сказ., с. 346].

Могила его существует „и до сего днѣ”, пишет автор *Сказания*, и исходит из нее „смадъ зълый”. Уподобляемый Юлиану Отступнику Святополк, „бѣгая не вѣдыйся отъ кого злыострастьну съмърть прия”¹⁸ [Сказ., с. 344–346]. Выше Святополк отождествлялся с Каином и Ламехом — его злодейство и смерть прочитывается через библейские ситуации.

Итак, жадность к „миру сему”, пристрастие к „княжениям”, „столам”, богатству, пирам и т. п. прямо ведет человека к преступлению, к убийству братьев своих, связывает человека с сатаной и прокладывает дорогу в ад в жизни загробной. Отказ от „мира сего”, признание его ценностей миражем, и даже тем, что хуже „паучины”, отказ от самой жизни, если ее сохранение требует не богоугодного поступка, открывает путь на небеса, к ангелам и Богу. Идея обретения ценностей более высоких, чем ценности „мира сего”, может показаться тривиальной, но здесь нужен исторический подход: эта идея впервые высказывалась среди тех, кто вчера еще свершал кровавые требы Перуну и кланялся домашним божкам, живущим в любом углу жилища, во дворе и за околицей. Устремление к небесному, отказ от любого земного приобретения, готовность отдать жизнь, но не покуситься на чужое — такие понятия впервые входили в жизнь и сознание средневекового человека в борисоглебских текстах.

В том же XI веке имел место опыт жизни, соединяющий земное и небесное, утверждающий небесное в земном. Этот опыт связан с личностью Феодосия Печерского, житие которого, написанное Нестором¹⁹, заложило основы преподобнического жития, жития-биоса, тогда как тексты о Борисе и Глебе дали начало мученическим житиям, житиям-маририям.

Хотя Бог открыл Феодосию срок его кончины, а смерти Феодосий не боялся, ибо „правдѣнымъ бо съмърть покой есть” [ЖФП, с. 426], тем не менее, легкой его смерть не назовешь. Феодосия бросало то в жар, то в холод, его молитва в виду близкой смерти отличалась неистовостью: „начать плакаться, бия въ пьрси своя, припадая къ Богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ” [ЖФП, с. 428]. Время своего отхода в иной мир Феодосий знал точно: „въ субботу, по възитии сълннца, душа моя отлучиться от тѣлесе моего” [ЖФП, с. 428].

¹⁸ Неясные обстоятельства смерти гонителя христианства императора Юлиана породили разные версии его кончины, с которой здесь сопоставляется неясная смерть Святополка.

¹⁹ Текст цитируется по: *Житие Феодосия Печерского*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. I. XI–XII века, Санкт-Петербург 1997, с. 352–433. Страницы данного издания с обозначением ЖФП приводим далее в тексте статьи в скобках.

Самый момент умирания передан в житии с удивительными подробностями. Нестор говорит о веселии умирающего: „лице весело имый”; Феодосию нечто открылось — „яко обавление нѣкое видѣвъ”, — что полностью устранило страх смерти: „Благословленъ Богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нѣ паче радуяся отхожю свѣта сего!”. Феодосий распрямил ноги, крестообразно сложил руки на груди и „прѣдасть святую ту душу въ руцѣ Божии и прѣложися къ святымъ отцемъ” [ЖФП, с. 430]. Умер святой игумен, как и предсказал, в субботу на восходе: „вьсиявьшю сълньцю”. Кончина Феодосия ознаменовалась видением столпа огненного над монастырем до небес [ЖФП, с. 432].

Посмертных чудес, по свидетельству Нестора, Феодосий совершает немного: выручает некоего боярина от княжеского гнева (в этом чуде любопытно, что Феодосий является боярину не в видении: „не яко въ снѣ видѣвъ, нѣ въспрянувьшю тому и задѣ видѣ блаженааго излазяща вьнѣ из двѣрии”²⁰); указывает на вора, укравшего лукошко серебра, и совершает одно излечение (причем здесь, явившись во сне, Феодосий сумел передать свою палку-костыль больному в яви²¹). По смерти святого, в монастыре и селах монастырских „бысть гобино, и въ скотѣх же приплодѣкъ, яко же нѣсть было николиже”²², что свидетельствовало о близости Феодосия Богу.

В житиях „земное”, как синоним „мирского”, нередко третируется, противопоставляется „небесному”²³, не то в *Житии Феодосия*. Строительство человеческой индивидуальности в Древней Руси шло внутри религиозной сферы, на этом пути созидались нравственные идеалы (и анти-идеалы). В *Житии Феодосия* средневековый автор захотел показать, как религиозные заповеди становятся бытом, тем самым демонстрировалась их убедительность и достижимость. Нестор не только указывает на высший, горний план происходящего, но и показывает, как этот высший план укоренен в обычном: как бы ни был высок замысел, один из его концов здесь, в обыденной человеческой жизни. Поэтому не библейская заповедь сама по себе, а человеческий поступок, ее реализующий, становится главным объектом изображения и осмысления. Если житийные тексты о Борисе и Глебе несли идею отрицания мирского ради небесного и вечного, то *Житие Феодосия* несло идею их гармонизации. Смерть Феодосия открывает путь земного в небесное: „паче радуяся отхожю свѣта сего!”.

²⁰ Концовку жития, отсутствующую в издании Библиотеки Древней Руси, цитируем по: *Успенский сборник XII–XIII вв.*, ред. С. И. Котков, Москва 1971, с. 132.

²¹ Там же, с. 132–133.

²² Там же, с. 131.

²³ Ср., например, приведенные выше медитации Бориса, осуждающего отца и его сподвижников, преследующих „славу мира сего”.

Библиография

- Житие Феодосия Печерского*, [в:] Библиотека литературы Древней Руси, т. I. XI–XII века, Санкт-Петербург 1997.
- Мерзбургский Т., *Хроника. В 8 кн.*, пер. В. И. Дьяконова, Москва 2005.
- Мюллер Л., *Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 года)*, [в:] Мюллер Л., *Понять Россию: историко-культурные исследования*, Москва 2000.
- Повесть временных лет. Часть 1*, ред. В. П. Адрианова-Перетц, Москва-Ленинград 1950.
- Ранчин А. М., *Об одном странном сравнении в Сказании о Борисе и Глебе*, [в:] *Древнерусская книжность: Текстология и поэтика*, Орел 2013.
- Руди Т. Р., *О композиции и топике житий преподобных*, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН России (Пушкинский Дом)*, т. 57, Санкт-Петербург 2003.
- Сказание о Борисе и Глебе*, [в:] Библиотека литературы Древней Руси, т. 1., Санкт-Петербург 1997.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. VIII, Москва 2008.
- Срезневский И. И., *Словарь древнерусского языка. Репринтное издание*, т. I, ч. 1, Москва 1989.
- Успенский сборник XII–XIII вв.*, ред. С. И. Котков, Москва 1971.
- Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпцю Бориса и Глеба*, [в:] *Святые князья-мученики Борис и Глеб*, исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко, Санкт-Петербург 2006.

“Now I rejoice o depart from this world!”: The saint’s death and the villain’s death in the Old Russian texts of the 11th to 12th centuries

Summary

In this article the questions of real and false values, life and death for an ancient Russian person soon after the adoption of Christianity are explored — on the basis of texts about Boris and Gleb and saint Theodosius of the Caves. The building of a person’s individuality in ancient Russia went in the frame of religious sphere, and in this way the moral ideals (and anti-ideals) were created. In the hagiographic texts “earthly” as a synonym of “worldly” is often opposed to “heavenly”. In the *Life of Theodosius* Nestor shows how the divine plan is grounded in the ordinary: even if the intention is high, one of its ends is here, in the usual human life. If the hagiographic texts about Boris and Gleb carried the idea of denial of the worldly for the sake of heavenly and eternal, then the *Life of Theodosius* carried the idea of their harmonization. The death of Theodosius opens the earthly way to the heaven.

Keywords: saint, villain, God, glory of the world, death

„Teraz raduję się, że odchodzę z tego świata!” — śmierć świętego a śmierć złoczyńcy w tekstach staroruskich XI–XII wieku

Streszczenie

Niniejszy artykuł jest próbą interpretacji tekstów o świętych Borysie i Glebie oraz Teodozjuszu Pieczerskim w aspekcie prawdziwych i fałszywych wartości związanych z opozycją życia i śmierci w oczach mieszkańca Rusi Kijowskiej w okresie po przyjęciu chrześcijaństwa. Według autora kształtowanie się jednostki odbywało się w Rusi Kijowskiej w ramach chrześcijaństwa i na tej płaszczyźnie budowane były moralne ideały (oraz antyideały). W żywotach świętych pojęcie „ziemskiego” jako synonimu „świeckiego” nierzadko traktowane było z pogardą i przeciwstawione „niebiańskiemu”. W Żywocie Teodozjusza Nestor pokazuje, w jaki sposób boski plan ugruntowany jest w powszedniości — nawet najwznioślejszy zamysł jednym końcem tkwi w powszednim życiu człowieka. Jeśli teksty hagiograficzne o Borysie i Glebie niosły ideę negacji świeckości wobec niebiańskości i wieczności, to Żywot Teodozjusza przynosi ideę ich harmonizacji — śmierć Teodozjusza otwiera ziemskiemu drogę do boskości.

Słowa kluczowe: święty, złoczyńca, Bóg, chwała temu światu, śmierć